

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССVIII.

1896.

НОЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ 3

Д. М. Петрушевскій. Восстаніе Уота Тайлера (*продолженіе*) . . . 1

В. О. Эйнгорнъ. Пробываніе въ Москвѣ Іоанннкія Галатоваго въ 1670 году 82

П. Э. Лейкфельдъ. Логическое ученіе объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработкѣ (*окончаніе*). . . 97

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. П—овъ. Н. Кантревъ. Сношенія іерусалимскихъ патриарховъ съ русскимъ правительствомъ съ половины XVI до конца XVIII столѣтія. Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 43-й 127

— Землевладѣніе и сельское хозяйство. Переводъ съ нѣмецкаго М. и Н. Водозовыхъ. Москва. 1896 138

— Книжныя новости. 140

— Отчетъ командированнаго за границу приватъ-доцента Московскаго университета Василія Истрина за вторую половину 1894 года (*окончаніе*) 1

— Наша учебная литература (разборъ 11 книгъ). 42

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

О. Д. Ватюшковъ. Канкулярныя курсы французскаго языка и литературы „Alliance française“ въ Парижѣ, для иностранцевъ 1

— Стокгольмскія народныя школы въ 1895 году 12

А. Л—ръ. Письмо изъ Парижа 29

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. І. Маленинъ. Марціалъ о овиныхъ стихотвореніяхъ (*продолженіе*). . . 49

А. В. Никитскій. Вуттъ, Круны, Халкида 58

С. А. Жебелевъ. Левинская надпись—рецептъ 87

В. К. Ершtedтъ. Забѣтки къ Анастасіею 94

ОВЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 4-ю ноябрю).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. Каптеревъ. Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ съ половины XVI до конца XVIII столѣтія. Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 43-й.

Очеркъ проф. Н. Θ. Каптерева составленъ, какъ указано въ предисловіи, главнымъ образомъ, на основаніи такъ называемыхъ Греческихъ и Турецкихъ дѣлъ и статейныхъ списковъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Авторъ имѣлъ въ виду изложить историческій ходъ сношеній іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ „почти исключительно словами самихъ документовъ, не вдаваясь въ критику, въ какіе либо особые выводы и обобщенія“. Трудъ Н. Θ. Каптерева даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ предисловіе. Это не сухой пересказъ документовъ, а живая картина описываемыхъ сношеній, и къ „выводамъ и обобщеніямъ“ автора едва ли многое придется прибавить. Правда, большая часть матеріаловъ, которыми воспользовался проф. Каптеревъ для своего очерка, уже извѣстна изъ его же трудовъ: „Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ (Москва, 1885 г.) и „Сношенія іерусалимскаго патріарха Досея съ русскимъ правительствомъ“ (Москва, 1891 г.) Но въ новомъ изданіи эти матеріалы, поскольку они касаются сношеній русскаго правительства съ іерусалимскими патріархами, изложены полнѣе, и, кромѣ того, очеркъ проф. Каптерева захватываетъ болѣе широкій хронологическій періодъ, сообщая данныя о первыхъ попыткахъ установить отношенія Іерусалима къ Москвѣ и продолжая исторію этихъ отношеній до конца XVIII вѣка. Основнымъ побужденіемъ, застав-

лявшимъ духовенство православнаго востока искать сближенія съ Москвою, былъ расчетъ на матеріальную поддержку со стороны русскаго правительства. Въ тяжелыя времена магметанскаго владычества православные патріархи и православные монастыри потеряли значительную часть своихъ доходовъ. Въ то же время возрасли необходимые расходы, такъ какъ приходилось откупаться отъ турокъ большими суммами. Крупныя жертвы были принесены, чтобы сохранить Гробъ Господень въ христіанскихъ рукахъ, крупныя долги стали накапливаться на іерусалимскомъ патріархатѣ. Въ виду того, что Греческая, Сербская и Болгарская земли, съ которыхъ ранѣе шла милостыня Св. Гробу, были порабощены невѣрными, іерусалимскимъ патріархамъ оставалось обратиться къ Россіи. Но до половины XVI вѣка мы имѣемъ только отрывочныя извѣстія о случайныхъ сношеніяхъ Іерусалима съ Москвою. Первое упоминаніе о пріѣздѣ изъ Іерусалима на Русь митрополита „милостыни ради и искупленія долга“ относится еще къ 1871 г. Но только въ патріаршества Германа и Софронія (1534—1607 г.) такія сношенія стали частыми и болѣе или менѣе правильными; съ этихъ поръ благотворительность русскихъ государей становится постояннымъ источникомъ, изъ котораго восточные іерархи черпали обильныя матеріальныя средства для своихъ церковныхъ и личныхъ нуждъ. Втеченіе всего XVII вѣка, не смотря на тяжелыя финансовыя затрудненія, какія пришлось пережить московскому правительству, рука русскихъ государей не оскудѣвала для приходившихъ съ востока просителей милостыни. Н. О. Каптеревъ, въ разныхъ мѣстахъ своего труда, указываетъ на то, какія значительныя суммы тратились московскимъ правительствомъ для поддержанія своей роли опекуна и защитника восточной православной церкви. Конечно, даже приблизительно выяснить общую сумму, розданную такимъ путемъ въ разныхъ „дачахъ“, совсѣмъ невозможно, но общее впечатлѣніе таково, что этотъ расходъ долженъ былъ ложиться на московскій бюджетъ довольно серіозною тяжестью. Исторія этихъ финансовыхъ, если можно такъ выразиться, отношеній Россіи къ православному востоку возстановлена въ яркихъ чертахъ трудами проф. Каптерева. Эта сторона отношеній составляла центральный пунктъ ихъ, такъ какъ своею „милостыней“ Москва дѣятельно доставляла восточнымъ патріархамъ средства откупаться отъ притѣсненій турецкаго правительства и выдерживать борьбу съ католиками и армянами за іерусалимскія святыни. Къ сожалѣнію, только въ этомъ и могла выразиться выпавшая на долю Москвы роль столицы всего православнаго

міра. Мысль о такой роли Москвы соотвѣтствовала не только самоувѣреннымъ притязаніямъ русскихъ книжниковъ, но и дѣйствительной, насущной потребности православной церкви. Потеря такого сильного не только административнаго, но и культурнаго центра, какимъ была Византія, губельно отразилась на судьбахъ церкви. Глубокій упадокъ просвѣщенія и развращенность греческаго духовенства, выступившая въ такихъ рѣзкихъ чертахъ при сношеніяхъ съ Москвою, указывали на то, что восточная церковь нуждается во внутреннихъ средствахъ обновленія. Опорнымъ пунктомъ такого обновленія могла бы послужить Москва, еслибы удалось поднять ее до значенія культурнаго центра православнаго востока. Утвердить въ Москвѣ солидную высшую духовную школу, перенести сюда изданіе греческихъ книгъ, чтобы избѣжать искаженій, оказывавшихся въ изданіяхъ венеціанскихъ,—было задачей междуцерковною, потребностью не только мѣстной русской, но и вселенской православной церкви. Передъ этою крупною задачей греки оказались несостоятельными. Имъ нечего было приносить на Русь, такъ какъ сами они черпали свою образованность въ западныхъ школахъ. Кромѣ того, всякая попытка объединить все культурныя силы православнаго востока на пользу восточной церкви искажалась установившимся въ XVI вѣкѣ антагонизмомъ русскихъ и грековъ въ религіозныхъ вопросахъ. Противоположность грековъ и славянъ выразилась и въ извѣстныхъ спорахъ о преимуществѣ русской или греческой старины, и въ опасеніи восточныхъ патріарховъ, чтобы ростъ политической силы Москвы не возвысилъ чрезмѣрно значеніе московскаго патріарха въ ущербъ значенію старшихъ патріарховъ православнаго востока. Эта сторона нашей церковной исторіи XVII вѣка хорошо освѣщена въ трудахъ проф. Каптерева. Они даютъ необходимыя для оцѣнки русской церковной реформы свѣдѣнія объ отношеніяхъ къ грекамъ и выдвигаютъ оставшееся въ тѣни активное вмѣшательство греческаго духовенства въ русскія церковныя и политическія дѣла, поскольку они связаны съ интересами всего православнаго востока.

Въ сношеніяхъ православнаго востока съ русскимъ правительствомъ іерусалимскіе патріархи играли наравнѣ съ константинопольскими видную роль, благодаря какъ важности церковнаго значенія этихъ защитниковъ интересовъ православія при Св. Гробѣ, такъ и дѣятельности такихъ патріарховъ, какъ Оеофанъ, Паисій и Досіеѣй. Оеофашъ (1608—1644 г.) первый изъ греческихъ патріарховъ оказалъ сѣріозное вліяніе на русскую церковную жизнь и выступилъ участ-

никомъ въ политическихъ отношеніяхъ русскаго правительства. Въ 1619 г. Теофанъ прибылъ въ Москву за милостыней; прїѣздъ его, удачно совпавшій съ возвращеніемъ митр. Филарета изъ польскаго плѣна, далъ ему возможность занять вліятельное положеніе относительно русской церкви. Теофанъ посвятилъ Филарета въ московскіе патриархи, и это доставило ему особое уваженіе новаго патриарха. Самый прїѣздъ Теофана въ Москву былъ понятъ, какъ проявленіе особой заботы восточныхъ патриарховъ о русской церкви, оставшейся безъ главы въ тяжелую годину. Своимъ вліяніемъ и признательностью русскіхъ людей Теофанъ воспользовался, чтобы поднять упавшій авторитетъ греческихъ іерарховъ и поднять вопросъ о сближеніи русскаго православія съ греческою церковною жизнью. Торжественно выразилъ опъ свое сочувствіе преп. Діонисію, одному изъ рѣдкихъ въ то время сторонниковъ греческаго авторитета въ дѣлахъ вѣры, пострадавшему за свою попытку исправить русскія церковныя книги по греческимъ изданіямъ. Діонисій пытался продолжать дѣло пользовавшагося большимъ его почтеніемъ Максима Грека и возстановить по всемъ ея значеніи забытую ученымъ монахомъ, но временно отвергнутую московскимъ духовенствомъ традицію. Поддержавъ Діонисія и добившись оправданія его дѣла, Теофанъ нашелъ опору своему вліянію въ московскихъ грекофильскихъ элементахъ и тѣмъ открылъ путь для нѣкотораго вліянія греческихъ іерарховъ на внутреннюю жизнь русской церкви. Общеніе съ Теофаномъ должно было оставить глубокій слѣдъ въ умахъ русскіхъ ревнителей благочестія. И въ южной Руси, и на Москвѣ Теофанъ училъ „православныя греческія книги писать и глаголатъ, и философство греческихъ книгъ до конца научилъ вѣдать“. Вопросъ о необходимости греческой школы впервые ставился на очередь, „ибо, — замѣчаетъ биографъ Діонисія—до сего Теофана патриарха во всей Россіи рѣдкіе погречески глаголаху“¹⁾. Филаретъ Никитичъ, какъ ставленникъ Теофана, съ почтеніемъ принималъ совѣты и мнѣнія іерусалимскаго патриарха и первый произвелъ частичное согласованіе русскіхъ обрядовъ съ греческими (уничтоженіе прилога „и огнемъ“ въ молитвѣ на освященіе воды; отиѣна трикратнаго подаанія Св. Даровъ). Важность этого явленія очевидна. Теофану на себѣ пришлось испытать недовѣріе русскіхъ къ греческому правовѣрію, ихъ убѣжденіе, что „греки, по

¹⁾ „Канонъ преп. Діонисію, съ присовокупленіемъ житія его“, изд. 2-е. Москва, 1855 г., стр. 72.

грѣху, позакоснѣли отъ перваго преданнаго имъ чипа“. Ему пришлось выслушивать указанія на „ошибки“, допускаемыя имъ въ обрядѣ, и не безъ ироніи благодарить русскихъ духовныхъ за то, что они „просвѣтили его своимъ благочестіемъ“. Различіе въ подробностяхъ обряда, при томъ значеніе, какое придавалось ему московскою обрядовою религіозностью, казалось, грозило серіознымъ отчужденіемъ русской церкви отъ православнаго востока. Возстановитъ живое сознаніе единства, возродитъ довѣріе къ единовѣрной греческой церкви—такова была цѣль, къ которой вело вмѣшательство греческихъ іерарховъ, начиная съ Теофана, въ московскія церковныя дѣла. Теофанъ первый сталъ убѣждать русскихъ людей „единомудрствовать, о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія и древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ не отлучатися“. Дѣятельность патр. Теофана положила основаніе подчиненію русской церковной жизни греческому вліянію, возстановленію болѣе тѣснаго общенія русской и греческой церквей, подорваннаго паденіемъ Константинополя.

Что касается политическаго значенія сношеній іерусалимскихъ патріарховъ съ московскимъ правительствомъ, то при Теофанѣ оно сводится къ тому, что патріархъ этотъ, по выраженію проф. Каптерева, „дѣлается тайнымъ русскимъ политическимъ агентомъ въ Турціи, сообщаящимъ въ Москву разныя политическія вѣсти, касающіяся тогдашняго положенія дѣлъ въ Турціи“. Эта, очень важная для московскаго правительства, политическая служба греческаго духовенства на первыхъ порахъ носитъ пассивный характеръ услугъ, которыми оно отплачивало за покровительство и милостыню. Только позднѣе греческіе іерархи пытаются болѣе активно вмѣшиваться въ политику московскихъ государей, вліяя на развитіе восточнаго вопроса. Политическія цѣли начинаютъ играть выдающуюся роль въ сношеніяхъ съ Москвою іерусалимскаго патріарха Паисія, преемника Теофанова. Проѣздомъ въ Москву, Паисій вступилъ въ сношенія съ Хмельницкимъ и взялъ на себя роль посредника между нимъ и московскимъ правительствомъ. И въ Москвѣ, и въ Малороссіи Паисій выступаетъ въ качествѣ сторонника подчиненія казаковъ Москвѣ. Свое вліяніе въ Молдавіи и Валахіи онъ употребляетъ на подготовку союза между господарями, вассалами султана, Хмельницкимъ и московскимъ царемъ. Москва, по его мысли, должна стать во главѣ союза всѣхъ православныхъ народностей для освобожденія ихъ отъ турецкаго ига. Политическая служба греческаго духовенства московскому царю осмысливается широкимъ политическимъ планомъ, который Москвѣ подсказываетъ воликую историческую

миссію—освободить и объединить православный міръ. Политическое сотрудничество, конечно, повышало авторитетъ грековъ и вносило новое оживленіе въ русско-греческія отношенія. Паисій, находясь въ Москвѣ, продолжалъ дѣло Теофана, бесѣдуя съ царемъ и патріархомъ Іосифомъ о разности нѣкоторыхъ русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ съ греческими. Почва для возрожденія греческаго вліянія въ Москвѣ казалась достаточно подготовленною. Необходимость устранить причины и поводы взаимнаго охлажденія двухъ частей православнаго міра и утвердить единство, возвысаясь съ помощью благоустроенной церковной школы культурную силу Москвы, признаннаго центра православія, — живо сознавалась и русскими и, по крайней мѣрѣ, отчасти греками. Проф. Каптеревъ съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на знакомство Паисія съ Никономъ, архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, а затѣмъ митрополитомъ новгородскимъ, какъ на такое обстоятельство, которое могло воспитать и укрѣпить въ Никонѣ зарождавшіеся въ немъ плапы церковной реформы. Уѣхавъ изъ Москвы, Паисій пытался подворить въ русской столицѣ лицъ изъ грековъ, которыя своимъ авторитетомъ поддержали бы греческое вліяніе и направили бы рѣшеніе волновавшихъ русскую церковь церковныхъ вопросовъ согласно съ желаніями восточныхъ патріарховъ. Эта роль возложена была на назаретскаго митрополита Гавріила, затѣмъ на ученаго митрополита Навпакта и Арты, Гавріила Власія. Послѣдній, для возвышенія его авторитета, былъ даже объявленъ экзархомъ двухъ патріарховъ—іерусалимскаго и антиохійскаго, присланнымъ въ Москву, чтобы отвѣчать „отъ богословія и изысканія церковнаго“ на вопросы, смущавшіе москвичей. Прибытіе въ Москву этого консультанта по церковнымъ дѣламъ не случайно совпадаетъ съ началомъ реформаціонной дѣятельности Никона. Но какъ ни много было обстоятельствъ, содѣйствовавшихъ усиленію греческаго вліянія въ Москвѣ, личные качества представителей греческаго духовенства тормозили и искажали это дѣло. Въ трудахъ проф. Каптерева много данныхъ для самой печальной характеристики этого корыстолюбиваго и развращеннаго духовенства. Къ важному для всего православнаго востока вопросу объ устройствѣ въ Москвѣ правильной церковной школы греки не сумѣли отнестись достаточно серьезно. Въ качествѣ руководителя будущей школы Паисій оставилъ въ Москвѣ знаменитаго Арсенія Грека. выдавъ его за своего „дидакала“, а потомъ прислалъ на него доносъ, обвиняя его въ латинствѣ и еретичествѣ. Уваженіе къ Паисію не могло не быть подорвано, особенно съ тѣхъ

поръ, какъ въ Москвѣ узнали о темной роли его въ дѣлѣ убіенія константинопольскаго патріарха Парөөніа. Ближайшее знакомство съ греками не могло внушить москвичамъ большой симпатіи и довѣрія къ этимъ учителямъ. На смѣну старымъ причинамъ отчужденія являлись новыя. Обвиненіе грековъ въ искаженіи вѣры отступало на второй планъ, но за то даже грекофиламъ московскимъ приходилось съ недоумѣніемъ останавливаться передъ глубокимъ разстройствомъ дисциплины, передъ интригами, происками и прямо мошенническими продѣлками призванныхъ или самозванныхъ руководителей. Укрѣпившееся было греческое вліяніе снова пошатнулось, тѣмъ болѣе, что сношенія съ греческимъ духовенствомъ не привели къ тому, что всего нужнѣе было Москвѣ. Попытка найти въ православномъ востокѣ удовлетвореніе назрѣвшей потребности просвѣщенія оказывалась тщетною. Послѣ увлеченія греческою ученостію, къ которой руководители московскаго общества обратились съ довѣріемъ, настало разочарованіе. Какъ сильно ощутили греки шаткое положеніе свое въ Москвѣ, видно по впечатлѣнію, какое произвело на нихъ дѣло патріарха Никона. Оно разыгралось уже по смерти Паисія, когда іерусалимскій патріаршій престолъ занималъ Нектарій (1661—1669). Греки, ставшіе орудіемъ царя Алексѣя въ борьбѣ его съ патріархомъ—Паисіемъ Лигаридъ и Мелетій—возбудили сильное негодованіе своихъ соотечественниковъ. Въ лицѣ Никона греки теряли сильнаго покровителя и защитника своего вліянія. Патріархи—константинопольскій Діонисій и іерусалимскій Нектарій—хлопочуть о примиреніи царя съ Никономъ и возвращеніи ему патріаршей власти. Только убѣдившись, что всѣ попытки добиться примиренія не удаются, Нектарій отказался отъ всякаго участія въ дѣлѣ Никона, отказывая царю въ той поддержкѣ, которой Алексѣй Михайловичъ искалъ у восточныхъ патріарховъ. Константинопольскій патріархъ, преемникъ Діонисія, Парөөніа еще опредѣленнѣе высказалъ свое отношеніе къ дѣлу Никона, лишивъ александрійскаго патріарха Паисія и антиохійскаго Макарія ихъ каедръ за участіе въ осужденіи Никона. Московскому правительству пришлось хлопотать передъ султаномъ о возвращеніи имъ этихъ каедръ.

Не безъ труда и недоразумѣній устанавливались отношенія русскаго правительства къ греческимъ іерархамъ. Если съ русской стороны тѣсному сближенію мѣшало недовѣріе къ грекамъ, оправдываемое многими неустройствами и печальнымъ состояніемъ просвѣщенія въ греческой церкви, то со стороны восточныхъ патріарховъ

тому же сближенію мѣшало описаніе, какъ бы ростъ московской власти не возвысился чрезмѣрно московскаго патріарха въ ущербъ его восточнымъ старшимъ братьямъ, опасеніе за вѣковой приоритетъ древнихъ патріаршествъ востока. И причины, вызывавшія сближеніе Россіи съ православнымъ востокомъ, и затрудненія, помѣшавшія правильному развитію этого сближенія, сказались особенно сильно въ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ іерусалимскаго патріарха Досиея (1669—1707), которыя были уже разсмотрѣны въ особомъ трудѣ проф. Кантерева. Въ составъ новаго изданія этотъ трудъ вошелъ съ незначительными измѣненіями. Патріархъ Досией выступаетъ относительно Москвы не какъ проситель, ищущій помощи и милостыни, а какъ совѣтникъ и руководитель, дѣлательно заботящійся объ охранѣ православія въ Москвѣ греческимъ влияніемъ и о защитѣ его на востокъ русскою силою. Ему пришлось дѣйствовать въ самый неблагоприятный для греко-русскихъ отношеній періодъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ поддержать Никона, въ которыхъ Досией игралъ важную роль, онъ съ трепетомъ слѣдилъ за усиленіемъ въ Москвѣ западнаго латинскаго влияния при царѣ Оеодорѣ и царевнѣ Софіи и торжествомъ западнаго свѣтскаго влияния при Петрѣ. Досией не оставался пассивнымъ зрителемъ этихъ событій. Онъ пытался противодѣйствовать своими увѣщаніями и пастырскими посланіями. Пытался онъ завязать постоянную переписку съ московскимъ патр. Іоакимомъ, чтобы великія церковныя дѣла совершались по мысли всѣхъ великихъ архіереевъ восточныхъ. Вообще, въ Досиеѣ мы видимъ выдающагося поборника соборности въ церкви, трудившагося надъ усиленіемъ общенія мѣстныхъ церквей. Всѣ дѣла русской церкви близко интересуютъ его; онъ постоянно слѣдитъ за московскими событіями, постоянно высказывается по ихъ поводу. Наплывъ западнаго влияния заставляетъ его усилить заботы объ устройствѣ въ Москвѣ греческой школы и расширенія издательской дѣятельности московской типографіи. Съ настойчивою энергіей выступаетъ онъ противъ латинствующей партіи московскаго духовенства, возражая противъ пользы „латинскаго писья и книгъ“ въ защиту исключительныхъ правъ греческаго просвѣщенія. Отсюда извѣстная борьба его съ Лихудами, а, позднѣе, вражда къ Стефану Яворскому. Но будучи выдающимся дѣлелемъ въ церкви, Досией, съ другой стороны, не сумѣлъ понять тѣхъ теченій русской жизни, которыя вели къ сближенію съ Западомъ. Православный востокъ не могъ дать Россіи необходимыхъ средствъ для рѣшенія сложныхъ культурныхъ задачъ. И даже въ

сферѣ церковной сами греки слишкомъ зависѣли отъ западной учености, чтобы ихъ вліяніе въ Москвѣ могло быть достаточно сильнымъ для борьбы съ латинскими и протестантскими вліяніями. Знакомство съ дѣятельностью Досиеея чрезвычайно поучительно, такъ какъ она протекала въ тѣ годы, когда значеніе греческаго вліянія на Русь замирало и уступало мѣсто новымъ свѣжимъ теченіямъ. Умный и энергичный іерархъ, много потрудившійся для поддержки греческаго авторитета, долженъ былъ пережить крушеніе своихъ плановъ. Такія крупныя личности, какъ Досиеей, выступая въ переходныя эпохи защитниками отживающей старины, привлекаютъ изслѣдователя трагизмомъ своего положенія, котораго преодолѣть не въ силахъ никакія личныя дарованія. Опредѣленные идеалы, которыхъ поборникомъ былъ Досиеей, не нашли поддержки въ исчерпанномъ запасѣ культурныхъ силъ православнаго востока и шли въ разрѣзъ съ историческими условіями русской дѣйствительности. Его участіе во внутреннихъ дѣлахъ русскаго государства не могло доставить побѣду тѣмъ элементамъ, которые онъ стремился поддержать. Его дѣятельная роль во внѣшней политикѣ Россіи не принесла ему большаго удовлетворенія. Досиеей былъ наиболѣе дѣятельнымъ политическимъ агентомъ русскаго правительства на востокѣ; но онъ былъ и послѣднимъ греческимъ іерархомъ, сыгравшимъ такую роль. Какъ во внутреннихъ вопросахъ русской жизни Досиеей тщетно ждалъ торжества одной идеи — охранить православный востокъ отъ опаснаго вліянія еретическаго запада, такъ и во внѣшней политикѣ онъ требовалъ отъ Россіи жертвы всѣхъ иныхъ интересовъ одной задачѣ — освободить православный востокъ отъ иновѣрнаго ига. Ростъ военнаго и политическаго могущества Россіи внушалъ Досиеею, какъ и большей части православнаго духовенства и православнаго населенія, подчиненнаго туркамъ, надежду на близкое избавленіе. Войны для избавленія грековъ, завоеванія Крыма и похода подъ Константинополь въ союзѣ съ возставшими славянами — вотъ чего ждалъ Досиеей отъ Петра Великаго. Миръ съ турками, при заключеніи котораго Россія впервые выступила въ качествѣ покровительницы всѣхъ православныхъ народностей, требуя гарантіи ихъ правъ и свободы исповѣданія, былъ, не смотря на это, первымъ разочарованіемъ Досиеей. Его положеніе въ Іерусалимѣ было труднымъ, такъ какъ турецкое правительство отдало первенство при Св. Гробѣ католикамъ. Политическаго вліянія Россіи оказалось недостаточнымъ, чтобы вернуть православному духовенству его прежнее положеніе. Усердная служба До-

своея интересамъ русскаго правительства не привела къ тѣмъ цѣлямъ, какія имѣло въ виду его усердіе. Досиоей, въ своихъ стремленіяхъ, былъ только наиболѣе виднымъ представителемъ греческаго духовенства, и потому его разочарованія совпадали съ настроеніемъ многихъ представителей греческой церкви. Въ результатъ получило взаимное охлажденіе съ обѣихъ сторонъ. Русское правительство перестало нуждаться въ грекахъ съ начала XVIII вѣка. Участіе грековъ въ русской жизни прекращается съ тѣхъ поръ, какъ Петръ вывелъ ее на новый путь. Водвореніе въ Константинополѣ постоянныхъ русскихъ пословъ устраняло нужду въ политическихъ агентахъ изъ среды греческаго духовенства. Такъ и въ культурномъ развитіи Россіи и въ ея внѣшней политикѣ греки теряютъ всякое значеніе. Со своей стороны и греки становятся въ новое отношеніе къ русскимъ интересамъ на востокѣ. Племянникъ Досиоея и его преемникъ на патріаршей кафедрѣ Хрисанеъ (1707—1730) только въ первые годы своего патріаршества поддерживалъ близкія отношенія съ русскою властью. Впрочемъ, эти отношенія съ первыхъ же шаговъ не отличались полною искренностью. Уже въ 1708 г. Толстой жалуется, что Хрисанеъ рѣдко пишетъ ему. Послѣ несчастнаго Прутскаго похода сношенія Хрисанеа съ русскимъ правительствомъ вовсе прекращаются. Петру доносятъ, что Хрисанеъ дружитъ съ валахскимъ господаремъ Бранкованомъ, который „во всемъ дѣлаетъ великому государю противное“. Поведеніе Бранкована въ 1711 г. показало, что планъ общаго возстанія православныхъ противъ турецкаго ига подъ защитой Россіи—не пользуется безусловною популярностью на Балканскомъ полуостровѣ. Поведеніе Хрисанеа заставляло думать, что и онъ, извѣрившись въ силу Россіи, какъ защитницы православія на востокѣ, ведетъ свою самостоятельную политику, не заботясь о томъ, чтобы согласить ее съ видами русской дипломатіи. Отношенія русскихъ дипломатовъ къ Хрисанеу и Бранковану полны недовѣрія. Шафировъ, наставляя на необходимости поддерживать дружескія отношенія съ ними, мотивируетъ это тѣмъ, что „хотя на нихъ вовсе надѣяться и немочно, однакожь лучше, чтобы не были явными непріятелями“. Можетъ быть, въ этихъ подозрѣніяхъ была доля преувеличенія. Но, повидимому, несомнѣнно, что Хрисанеъ первый изъ іерусалимскихъ патріарховъ призналъ утопией надежду на скорое избавленіе православныхъ отъ турецкаго ига русскою силой и потому отказался отъ дальнѣйшихъ политическихъ услугъ Россіи. Онъ не только не призываетъ Россію къ энергичной борьбѣ съ невѣрными,

но высказываетъ вѣрную мысль, что „для пользы и благосостоянія православнаго народа мнится лучше быти и разсуждати о мирѣ, нежели о войнѣ“, и, только покончивъ борьбу съ другими сосѣдями, собраться съ силами противъ турокъ. Исходъ второй турецкой войны Петра Великаго подтверждалъ справедливость мнѣній Хрисанова. Наступательная борьба съ турками отодвигалась въ болѣе или менѣе далекое будущее, и участіе въ ней восточнаго духовенства представлялось и опаснымъ для него и ненужнымъ. Политическія услуги этого духовенства потеряли прежнее существенное значеніе для русскаго правительства, а самимъ грекамъ могли обойдтись слишкомъ дорого. Представляется естественнымъ, что греки въ трудныя времена, какъ доносилъ Шафировъ, „бѣгутъ отъ пословъ, какъ отъ чумы“, и его приговоръ, что грекамъ довѣряться нельзя, такъ какъ „за деньги и Бога, и вѣру, и душу, и государя своего продать готовы“, къ сожалѣнію, справедливый относительно многихъ отдѣльныхъ лицъ, въ общемъ слишкомъ суровъ. Во всякомъ случаѣ, съ петровскихъ временъ сношенія русскаго правительства съ православнымъ востокомъ и въ частности съ іерусалимскими патріархами почти совершенно теряютъ свое политическое значеніе, и, тѣмъ болѣе, теряютъ значеніе источника культурныхъ заимствованій. Греко-русскія отношенія сыграли наиболѣе существенную часть своей исторической роли и спустились до уровня, выше котораго ихъ значеніе было поднято только исключительными условіями XVII вѣка. Хрисановъ во вторую половину своего патріаршества былъ только обычнымъ просителемъ милостыни, искавшимъ въ Россіи только матеріальной помощи Св. Гробу и его служителямъ. Сношенія съ іерусалимскими патріархами, потерявшія смыслъ важнаго государственнаго дѣла, переходятъ въ руки Синода. При преемникахъ Хрисанова вопросъ о милостынѣ составляетъ все содержаніе этихъ сношеній. При этомъ русское правительство впервые начинаетъ болѣе осторожно распоряжаться своею благотворительностью. Оно стремится вникнуть въ причины финансовыхъ затрудненій восточныхъ церквей, ихъ чрезмѣрной задолженности и ввести милостыню въ точныя рамки бюджета. Оно старается черезъ русское посольство въ Константинополѣ слѣдить затѣмъ, чтобы русскія деньги шли на дѣйствительныя нужды церкви, а не на проски между духовенствомъ, не „для тщеславія и какого либо переможенія у турокъ“. Съ 1735 г. милостыня русскаго правительства православному востоку раздавалась по такъ называемымъ „палестинскимъ штатамъ“, которые ограничили казенное подаеніе пятитысяч-

ною суммой. Кромѣ того, греческое духовенство получало, каждый разъ съ особаго разрѣшенія синода, право собирать въ Россіи частныя пожертвованія, за сборомъ которыхъ Синодъ имѣлъ строгое наблюденіе. Синоду удалось подчинить выдачу и сборъ милостыни опредѣленнымъ правиламъ. Но труднѣе было слѣдить за расходованіемъ этихъ суммъ на мѣстѣ. Болѣе плодотворныя попытки въ этомъ направленіи были сдѣланы уже въ XIX вѣкѣ и проф. Каптеревъ обѣщаетъ подробно познакомить съ ними своихъ читателей въ слѣдующемъ трудѣ своемъ. Изъ представленнаго очерка содержанія новаго труда проф. Каптерева сама собою видна содержательность матеріаловъ, которыхъ сводъ сдѣланъ авторомъ. Большая и наиболѣе цѣнная часть ихъ была уже извѣстна изъ предшествующихъ трудовъ уважаемаго изслѣдователя. Но труды эти, хотя изданные не такъ давно, мало доступны. Въ новой переработкѣ эти труды, кромѣ того, дополнены и новыми подробностями, пополняющими наши свѣдѣнія.

А. Ц—евъ.

Землеустройство и сельское хозяйство. Переводъ съ нѣмецкаго. М. и Н. Водовозовъ. Москва. 1896 года.

Нѣмецкая литература изобилуетъ, какъ извѣстно, всякаго рода справочными книгами и словарями, которые обыкновенно заключаютъ въ себѣ массу драгоцѣнныхъ свѣдѣній по различнымъ отраслямъ человѣческаго знанія и издаются относительно недорого и притомъ весьма быстро, что увеличиваетъ не мало ихъ достоинство, сохраняя за всякаго рода числовыми данными интересъ современности. Къ числу такихъ словарей принадлежитъ и громадный „Словарь государственныхъ знаній“ (Handwörterbuch der Staatswissenschaften^{*)}), изданный подъ редакціею профессоровъ Конрада, Лексиса, Лёнинга и Эльстера. Онъ содержитъ въ себѣ массу любопытныхъ данныхъ по статистикѣ, финансамъ, торговлѣ, политической экономіи и различнымъ отраслямъ права, при чемъ, кромѣ весьма обстоятельнаго и яснаго изложенія по каждому вопросу приводится довольно подробно и относящаяся до него библиографія. Въ Москвѣ нѣкто гг. М. и Н. Водовозовы задумали издать переводъ этого обширнаго словаря и, такъ сказать, выборку наиболѣе интересныхъ статей онаго, приведя ихъ въ систему, то-есть, собравъ въ одну статью словаря, относящаяся болѣе или менѣе къ одному предмету и помѣщенные въ словарь въ